

Н. Г. КУЗНЕЦОВА (Томск)

КАТЕГОРИИ ЛИЦА И ЧИСЛА ЮЖНОСЕЛЬКУПСКОГО ГЛАГОЛА

Категория лица (персональность) соотносит обозначаемую ситуацию и ее участников с участниками речевого акта, т.е. имеет явно выраженную актуализационную природу. В этом смысле персональность включается в круг категорий, к которому относят модальность и темпоральность (Бондарко 1991 : 13). Одновременно персональность принципиально отличается от двух последних тем, что не является исключительно глагольной категорией. Она характерна для личных местоимений, но нередко получает двойную репрезентацию: в сфере личных местоимений и в системе личных форм глагола. При этом семантическая структура категории лица, манифестируемая в глаголе и местоимениях, может оказаться для синхронного состояния языков идентичной (Володин 1991 : 87).

Способность языка передавать значение лица одновременно и личной формой глагола, и личным местоимением ведет к системной избыточности. Последняя указывает на возможность передачи тех же грамматических значений посредством двух парадигматических рядов: синтаксического, формируемого сочетанием личного местоимения (существительного) с финитной глагольной формой, и морфологического, для построения которого используются суффиксальные маркеры, присоединяемые к глагольной основе. Системную избыточность необходимо отличать от функциональной избыточности, которая проявляется при функционировании словоформ в соответствующем окружении и возникает не при любом употреблении словоформы (например, формы времени), а зависит от цели коммуникации и желания говорящего. Функциональная избыточность важна именно для совершенного выполнения языком его основной функции, функции общения. Системная же избыточность присутствует в самой системе и наблюдается при ее функционировании всякий раз, когда выражается соответствующее значение (Жукова 1983 : 12).

Все изменения в парадигме морфологической категории лица (и числа) глагола так или иначе связаны с системной избыточностью как языковым явлением. Поскольку не известны языки без личных местоимений или их эквивалентов (Володин 1991 : 87), есть все основания считать системную избыточность следствием становления морфологической парадигмы лица у глагола, продуктом развития языковой системы (в этой связи о селькупском далее). В то же время сама системная избыточность делает возмож-

ными дальнейшие преобразования в парадигме категории лица при их безболезненном для коммуникации протекании.

Лицо передает отношение субъекта действия к речевой ситуации, в которой о нем говорится. Признак участия в речевом акте коррелирует в системе категориальных отношений с противоположным признаком «неучастия» (Шелякин 1986 : 13). Системное отношение участие / неучастие в речевом акте лежит в основе противопоставления семантики 1-го и 2-го лица, вместе взятых, и семантики 3-го лица.

Хотя различия между формами глагола и личных местоимений 1-го и 2-го лица, с одной стороны, и 3-го лица — с другой, очевидны и уже давно отмечались в лингвистической литературе (см., например, Буслаев 1858 : 187; Аксаков 1875 : 541; а также Бенвенист 1974 : 264, 290; Падучева 1985 : 142—158), все же трудно согласиться с толкованием содержания 3-го лица только как не-лица. 3-е лицо объединяет в своей семантике значение и лица, и не-лица, его системное значение носит синкретичный характер (лицо / не-лицо) (см. также Бондарко 1991 : 36—37).

Глагольные категории лица и числа — разные категории, но в системе спряжения они обычно тесно связаны, поэтому при описании системы глагольного словоизменения нередко используют понятие единой парадигмы лица-числа. Представляется однако, что оно адекватно отражает ситуацию лишь тогда, когда названные категории обладают общими морфологическими средствами выражения, т.е. одно морфологически нечленимое окончание глагольной словоформы передает значение лица и числа одновременно. Если же окончание может быть разложено на показатели двух категорий, то имеет место сопряженность (параллельная морфологическая реализация) персональности и количественности.

В семантике лично-числовых отношений селькупского глагола нет ничего, что не было бы свойственно каким-либо другим языкам мира, поскольку в данном случае мы имеем дело с содержательными сущностями, так или иначе выражающимися в языках всех типов. Категории лица и числа глагола в селькупском языке всегда характеризуют только одного участника действия, субъект или объект. В семантическом плане первая категория строится на противопоставлении трех лиц, 1-го, 2-го и 3-го, вторая — на противопоставлении трех чисел:

	ед. ч.	дв. ч.	мн. ч.
1 л.	'я'	'мы-2' ('я' + 1)	'мы-мн.' ('я' + > 1)
2 л.	'ты'	'вы-2' ('ты' + 1)	'вы-мн.' ('ты' + > 1)
3 л.	'он / она / оно'	'они-2'	'они-мн'

Морфологические глагольные показатели категорий лица и числа в селькупском, как и в других самодийских языках (см., например, Терещенко 1972 : 109—124; 1976 : 152), являются одновременно признаками предикативности: лично-числовые предикативные формы образуют в данном языке не только глаголы, но и существительные агентивной семантики (ОчСЯ 188). Однако в отличие от глаголов предикативным существительным в селькупском языке не свойственна оппозиция по типу спряжения, характерная для финитных глагольных форм в ед. и отчасти в дв. и (?) мн. ч. Категория типа спряжения в финно-угорских и самодийских языках обладает своеобразием, которое сближает ее с соответствующей категорией в палеоазиатских языках, где последняя получает последовательное выражение, и отличает от европейских и алтайских, не знающих подобной категории.

Суть категории типа спряжения заключается в том, что во взаимно проти-

вопоставленных формах глагола получает или не получает выражение наличие у глагола объекта, на который переходит действие. В селькупском данная категория строится на противопоставлении субъектного типа спряжения объектному (=категория субъектности / объектности). Первое отражает в финитной форме глагола активных конструкций личные характеристики производителя действия, субъекта, в финитных формах пассивных конструкций — личные характеристики объекта действия. Второе, используемое в активных конструкциях, демонстрирует наличие у действия не только субъекта, но и коммуникативно значимого объекта (Черемисина 1986 : 10). Одновременно категория типа спряжения в селькупском языке выражает и отношение между субъектом и объектом через их отношение к действию, т.е. передает отношения, выражающиеся в других языках залоговыми формами. Не случайно Г. Н. Прокофьев (1937) называл субъектное спряжение — *непереходящим залогом*, а объектное — *переходящим*.

По своей сути категория типа спряжения связана с категорией переходности / непереходности. Формы субъектного спряжения образуются от всех глаголов и обозначают факт действия безотносительно к тому, предполагает ли данное действие какой-либо объект или нет. При изменении переходных глаголов по субъектному спряжению передается общее, неопределенное, неконкретное представление об объекте. Формы объектного спряжения образуются только от суффиксальных переходных глаголов или лексико-семантических вариантов, предполагающих объект. Такие закономерности образования и употребления различных типов спряжения релевантны для всех самодийских языков и тазовского диалекта селькупского (Cast-rén 1854 : 378—379; Прокофьев 1935 : 16; 1937 : 319; 1976 : 372; 1973 : 187, 199; Wickman 1970; Ristinen 1973a : 343—344; 1973b : 20; ОчСЯ 234—235). Но в селькупских диалектах южной группы они на синхронном срезе практически не проявляются (ср. Hajdú 1966 : 75) и совсем не свойственны одному из них — кетскому. В нем границы между субъектным и объектным спряжением совпадают с границами переходных и непереходных глаголов. Оформление основы показателем субъектного спряжения происходит при обозначении действия, замкнутого в сфере субъекта, в то время как объектное спряжение передает переход действия на внешний объект (Кузнецова 1987 : 141).

Содержательные противопоставления в рамках категории лица и числа глагола поддерживаются в селькупском языке формальными средствами.

Кроме очевидных противопоставлений селькупская глагольная парадигма сохраняет в ед. ч. субъектного спряжения следы морфологической оппозиции лица и лица/не-лица (соответственно уникальности / единичности): в ед. ч. 3-е лицо, в противоположность другим лицам, может иметь нулевой, отрицательный маркер. Во множественном и двойственном числе морфологическое противопоставление сфер лица и лица/не-лица на синхронном срезе уже не реализуется, (хотя, по-видимому, реализовалось в недавнем прошлом, ср. следы оппозиции по типу спряжения в 3 л. дв. ч.; 3 л. мн. ч.). Следовательно, парадигма селькупского глагола в какой-то мере совмещает два различных типа структуры категории лица. Первый предполагает противопоставление уникальности / совокупности (сфера лица) и единичности / множественности (сфера не-лица). К этому типу (с большей или меньшей степенью «чистоты реализации») относится большинство агглютинирующих языков Евразии. Второй тип не предполагает морфологической оппозиции сфер лица и не-лица. Он реализуется в самодийских и енисейских языках (Володин 1991 : 108).

Окончания лица-числа неимперативной серии в диалектах
южного ареала

кетский		обский		тымский, нарымский	
		ед. ч. (лицо + \emptyset число)			
суб.	об.	суб.	об.	суб.	об.
1 $-(a)ŋ$	$-(a)m / -(a)\beta$	$-(a)k / -(a)ŋ$	$-(a)p / -(a)m$	$-(a)k / -(a)ŋ$	$-(a)p / -(a)m$
2 $-(a)ndj / (a)ddj$	$-(a)l$	$-(a)nd$	$-(a)l$	$-(a)nd$	$-(a)l$
3 $-ŋ$	$-t$	$-a$	$-t$	$-a$	$-d$
$-an$	$-tj$	\emptyset		\emptyset	$-t$
$-a, \emptyset$		$(-n < -ŋ)$		$(-k \sim -ŋ)$	
дв. ч. (лицо + число)					
1	$-o$		$-(a)j$		$-(a)j$
	$-(a)j$				$(-\beta i, -u)$
2	$-(a)l$	$-i$	$-(a)l$	$-i$	$-(a)l$
3	$-(a)t$	$-i$	$-(a)g$	$-i$	$-(a)d$
			$(-at)$		
мн. ч. (лицо + число)					
1	$-o-t$		$-(a)u-t$		$-(a)u-t$
2	$-(a)lj-t$		$-(a)l-t$		$-(a)l-t$
3		$-atj-t$		$-adj-t$	$-ada-t$
	$(?-a-t)$	$-at-tj$	$(?-a-t)$	$-at (? < -attj)$	$(?-a-t)$
					$-at (? < -at-tj)$

Часть маркеров лично-числовой парадигмы селькупского глагола демонстрирует на синхронном срезе полную формальную идентичность показателям личной притяжательности (ед. ч. объектного спряжения; дв. ч. 1, 2, (3) л.; 1, 2, (3) л. мн. ч.). Следовательно, одни и те же суффиксы может присоединять и существительное (посессивное, предикативное) и глагол, зависимое и независимое именное и глагольное сказуемое. В то же время окончания ед. ч. объектного спряжения при совпадении с показателями личной притяжательности не способны образовывать предикативные формы существительных, а образуют только посессивные и оформляют инфинитные глагольные формы в качестве зависимого сказуемого полипредикативных конструкций.

На совпадение селькупских окончаний ед. ч. объектной серии, а также окончаний дв. ч. и мн. ч. за некоторым исключением 3 л., в целом не знающих оппозиции по типу спряжения, с именными суффиксами посессивности указывали все исследователи, обращавшиеся к селькупскому глаголу (см. например, Castrén 1854 : 207—214; N.-Sebestyén 1970 : 156—159, 165—167, 224—225; Collinder 1969 : 470; Künnap 1971 : 164—166; 1978 : 52—54; ОчСЯ 234). Но если К. Редей допускает возможность независимого развития показателей объектного спряжения из аффиксов притяжательности в каждом из самодийских языков (Rédei 1966 : 133), то А. Кюннап связывает материальную идентичность селькупских глагольных окончаний и маркеров именных форм с наличием у них общего источника — прасамодийских показателей посессивности, на основе которых сформировался объектный тип спряжения в соответствующем праязыке. Таким образом окончания ед. ч. объектного спряжения, а также дв. и мн. ч. в селькупском выводятся им из соответствующих окончаний прасамодийского (1 л. ед. ч. $-m \sim -\beta < *-mV$; 2 л. ед. ч. $-l < *-\delta V$; 3 л. ед. ч. $-t(V) < *-tV$ и т.п. — Künnap 1978 : 82—83). Не ис-

ключается и уральское происхождение объектного спряжения, хотя взгляды различных ученых по вопросу о времени и путях формирования соответствующей оппозиции в уральских языках далеко не идентичны (ср., например, Серебренников 1964 : 137; Хелимский 1982 : 87; Хонти 1984 : 346). Основным аргументом против допущения прауральской древности объектного спряжения служит то, что способы образования форм этого спряжения различаются по языковым группам (Hajdú 1966 : 76—77; Кюннап 1974 : 15; ОФУЯ I 317—318).

Происхождение личных окончаний субъектного спряжения в селькупском языке объясняется различными авторами по-разному. Так, Т. Лехтисало в неопубликованном курсе лекций, на который делает ссылки А. Кюннап, предполагает для окончаний 1 и 3 л. ед. ч. этого типа спряжения в селькупском первичность *-ŋ*, которое развилось из ^(*)*-ŋ(V)*-суффиксального показателя аориста (настоящего времени) (Künnap 1971 : 167—168; 1978 : 73). Однако, как справедливо замечает Е. А. Хелимский, в формах тазовского диалекта типа *tūŋak* 'я пришел' (от *tūqo* 'прийти') присутствует и рассматриваемое окончание, и его предполагаемый источник, суффикс *-ŋ(V)*-настоящего времени, что наводит на мысль о недостаточной убедительности предположения Т. Лехтисало. Окончание *-ŋ* (*-ŋ ~ -k*) 1 л. ед. ч. восходит, по мнению Е. А. Хелимского, к форме **-k* соответствующего окончания субъектного спряжения прасамодийского ((?) прауральского) (1982 : 80). Для селькупского окончания 2 л. ед. ч. субъектного спряжения также допускается прасамодийский источник — **-ntV* соответствующего лица, числа и типа спряжения (Künnap 1978 : 74, 49—50; Хелимский 1982 : 81). Окончание 3 л. ед. ч. субъектного спряжения *-n* в данном языке восходит, как считает А. Кюннап, к самодийскому **-nV* отглагольного имени (Künnap 1978 : 74, 193; ср. Lehtisalo 1936 : 129). Для другого окончания этого же лица, числа и типа спряжения, нулевого, также предлагается самодийское происхождение (Künnap 1978 : 74; Хелимский 1982 : 81). Однако остается неясным, как исходно могли соотноситься в рассматриваемом лице и числе субъектного спряжения селькупские окончания *-ŋ* (*-ŋ ~ -k*) и \emptyset . Наиболее радикальным решением в данном случае Е. А. Хелимский считает реконструкцию в прасамодийском особой парадигмы рефлексивного спряжения или, хотя бы, формы 3 л. ед. ч. с показателем **-k*, к которому и могло восходить окончание *-ŋ* (*-ŋ ~ -k*) соответствующего лица и числа субъектного спряжения в селькупском. Некоторый свет на происхождение последнего аффикса проливают данные кетского диалекта. В отличие от тазовского диалекта, где на синхронном срезе нет четкого разграничения в употреблении окончаний 3 л. ед. ч. субъектного спряжения *-ŋ*, *-n* и \emptyset (на что указывают многочисленные дублиеты в записях парадигм и в тексте — Хелимский 1982 : 78), в кетском можно более или менее четко обозначить сферу употребления каждого форманта. Так, окончание *-ŋ* в 3 л. ед. ч. субъектного спряжения регулярно имеют

- а) глагольные формы на *-j/-u-* и *-ku-* с возвратным (возвратно-пассивным) значением в настоящем и будущем времени индикатива;
- б) непереходные глаголы на *-l'i-* со значением интенсивности-перфективности действия, передающие становление состояния субъекта, глаголы на *-(j)r(j)-* и *-(j)ttj-* с характеристическим значением, передающие постоянное действие, замкнутое в сфере субъекта, в настоящем и будущем времени; глаголы состояния (результативы и стативы) на *-(m)pi-* в формах будущего времени. В прошедшем времени у перечисленных групп глаголов

формы на *-saj-*, *-sijj* < *-sV-* + *-ŋ* употребляются параллельно формам на *-s*, т.е. с нулевым окончанием.

Показателем *ø* в 3 л. ед. ч. субъектного спряжения регулярно оформляются

а) непереходные глаголы с основой на согласный в формах настоящего и будущего времени индикатива; глаголы состояния (результативы и стативы) на *-(m)pi-* в формах настоящего времени индикатива. В прошедшем времени у глаголов этой группы формы на *-s* также употребляются параллельно формам на *-saj*, *-sijj*, т.е. с окончанием *-ŋ*;

б) некоторые непереходные глаголы с вокалическим исходом основы, передающие статическое состояние субъекта (*ippigi* 'лежать', *amdigu* 'сидеть', *ƙondigu* 'спать' и т.п.); у них формы на *-ŋ* и *-ø* противопоставлены друг другу по значению: на *-ø* используются для непереходного содержания, в то время как на *-ŋ* имеют безличное значение, например, кет. *ter amda ~ teranni* (*mananni*, *tananni*) *afon amdijj* 'он сидит' ~ 'ему (мне, тебе) плохо сидится'; *ter ƙonda ~ teranni* (*mananni*, *tananni*) *afon ƙondijj* 'он спит' ~ 'ему (мне, тебе) плохо спится'.

Окончание *-n* в рассматриваемом лице и числе субъектного спряжения типично для форм настоящего времени индикатива от односложных глаголов с основой на гласный (*ūgu* 'плыть, плавать', *ēgu* 'быть', *tūgu* 'грести', *pūgu* 'дуть', *ƙūgu* 'умереть', *tūgu* 'прийти', *tūgu* 'взлететь' и т.п.). Ряд глаголов этой группы в данном лице, числе, времени и наклонении может получать и окончание *-ŋ*, присоединяемое непосредственно к основе: *ēŋ* 'он есть' (ср. *eaŋ* то же), *ƙūŋ* 'он умер (сейчас)' (ср. *ƙuaŋ* то же) и т.п. Конечному *-ŋ* в подобных формах других диалектов соответствует *-ŋ* ~ *-k* или *-ŋa*: кет. *ēŋ* ~ тым., нар., об. *ēk* ~ *ēŋ* ~ таз. *ēŋa* 'он есть'. Исходя из тазовской формы, в случае присоединения *-ŋ* ~ *-k* непосредственно к основе глагола в южных диалектах можно вести речь не о собственно личном окончании словоформы, а о сохранении в ее исходе согласного от ^(*)*-ŋ(V)*- маркера настоящего времени индикатива, который при нулевой флексии воспринимается как окончание соответствующего лица, числа и типа спряжения (Künnap 1978 : 73). Следовательно, на основании данных кетского диалекта источником *-ŋ* (по другим диалектам *-ŋ* ~ *-k*) 3 л. ед. ч. субъектного спряжения можно считать и ^(*)*-k* рефлексивной формы того же лица и числа прасамодийского, на что указывает регулярная маркированность показателем возвратных (возвратно-пассивных) образований, и ^(*)*-ŋ(V)*- маркера настоящего времени индикатива селькупского, который был переосмыслен в личное окончание. Таким образом как будто находят подтверждение сразу два предположения относительно происхождения соответствующего окончания в селькупском языке, одно — высказанное Т. Лехтисало, другое — Е. А. Хелимским (Künnap 1978 : 73; Хелимский 1982 : 80; Кузнецова 1987 : 142).

В селькупском языке все формы лично-числовой глагольной парадигмы за исключением части форм 3 л. несут полную информацию о лице (числе) субъекта действия и могут формировать включенно-личные предложения — аналоги двусоставных (ОчСЯ 359, 360). При таких глагольных формах личное местоимение в принципе является избыточным. Оно необходимо только тогда, когда требуется специально подчеркнуть субъект действия, обратить на него особое внимание (ср. ОчСЯ 360). У образований же от глагольных основ, связанных с основами имен отношениями конверсии (Кузнецова 1993), 3 л. ед. ч. субъектного спряжения может совпадать с номинативом ед. ч. абсолютного склонения существительных (объектного спря-

жения — соответственно с номинативом посессивного склонения, но последнее чрезвычайно редко, так как семантические дериваты от имен прежде всего непереходные). Конкретизация значения глагольной / именной словоформы осуществляется на уровне синтаксиса, в сочетании с личным местоимением или существительным. Если имя или местоимение в таком сочетании стоит в номинативе, то налицо предикативная синтагма, и соответствующая форма есть личная форма глагола; если же имя или местоимение используются в генитиве, то это атрибутивная синтагма, а соответствующая форма — падежная форма существительного: кет. *teba-n* (ген.) *ḡaccj̄ ünduj̄ ~ tep* (ном.) *ḡaccj̄* 'его чихание слышно' ~ 'он чихает'; *kana-n* (ген.) *mudj̄ ün-duj̄ ~ kanaj̄* (ном.) *mudj̄* 'слышно лай собаки' ~ 'собака лает' и т.д. Иначе говоря, от таких основ (правда, их число невелико) категориальное значение 3 л. ед. ч., в противоположность остальным значениям категории персональности, передается только аналитически, сочетанием с личным местоимением (существительным). Соответственно сочетание глагольной формы с личным местоимением является необходимым, а не избыточным. Но и в этом лице и числе у названной группы глаголов обозначился переход к выражению значения собственно морфологическими средствами. В его основе лежит процесс морфологического переразложения, в результате которого формируется не-нулевой маркер словоформы, завершается построение морфологической парадигмы лица (числа), ведущее, в свою очередь, к становлению системной избыточности (см. ранее).

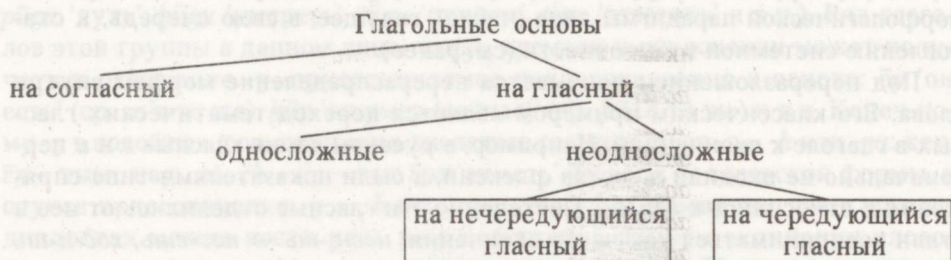
Под переразложением понимается перераспределение морфем внутри слова. Его классическим примером является переход тематических гласных в глаголе к окончаниям. Например, в русском языке гласные *e* и *и* первоначально не входили в состав флексий, а были показателями типа спряжения и относились к основе. Постепенно эти гласные отделились от нее и стали восприниматься как часть окончания: *нес-е-шь* → *нес-ешь*, *ход-и-шь* → *ход-ишь*. Аналогичный процесс имел место и в склонении существительных: *рук-а-ми* → *рук-ами*, *ног-а-ми* → *ног-ами*. Обобщая подобные наблюдения, И. А. Бодуэн де Куртене сформулировал закон о постоянном переразложении основ в пользу окончаний и на его основе объяснил многие изменения в системе склонения русских имен (Баранникова 1973 : 191).

Процесс морфологического переразложения, имеющий сходство с описанным, отмечается и в глагольных словоформах селькупского языка: конечный чередующийся гласный глагольных основ присоединяется к окончанию. В результате происходит формирование показателей лица и числа с гласным элементом в качестве коаффикса. В схеме личных окончаний (по: Хелимский 1982 : 78) отмечаются следующие изменения:

субъектное спряжение		объектное спряжение	
1 л. ед. ч.	<i>-k (~ -ŋ) → -ak (~ -aŋ)</i>	1 л. ед. ч.	<i>-m (~ -p) → -am (~ -ap)</i>
2 л. ед. ч.	<i>-ntj̄ → -antj̄</i>	2 л. ед. ч.	<i>-l . → -al</i>
3 л. ед. ч.	<i>-ø → -a (> j̄)</i>		и т.д.
и т.д.			

Выявлению процесса морфологического переразложения способствует анализ образования парадигматических форм от глагольных основ разного типа. Тип глагольной основы, определяемый ее ауслутом, имеет решающее значение при выборе грамматических показателей во всех языках самодийской группы (Терещенко 1966а : 385; 1966б : 428; 1966в : 448; 1979 : 107;

Сорокина 1976 : 28; Прокофьев 1935 : 55—56; Варковицкая 1947; Прокофьева 1966 : 408; ОчСЯ 203—265). В селькупском особенно существенны различия между основами на гласный и основами на согласный. Но при формулировании правил подбора показателя, соответствующего тому или иному грамматическому значению, нередко приходится прибегать и к более дробным градациям, выделяя основы на носовой, на *š(j)*, на *r*, одно- и многосложные основы на гласный (ОчСЯ 209; Кузнецова 1987 : 16). Последние включают основы, конечный гласный которых подвергается в настоящем времени индикатива альтернации, и основы на нечередующийся гласный (Hajdú 1963 : 76; Collinder 1969 : 465). Группа основ с альтернирующим гласным включает как неприводные, так и производные, суффиксальные. К ним могут быть приравнены основы, присоединившие показатели времен, ауслатный гласный которых ведет себя при образовании парадигматических форм подобно конечному гласному основ соответствующего типа. В группу основ на нечередующийся гласный обычно входят производные, образованные посредством суффиксов *-(k)ku-* итеративности-имперфективности, *-e°* аттенуативности-перфективности, *-ku-*, *-j/-u-* возвратности (-пассивности) и некоторых других. В нее могут быть включены основы, осложненные показателями наклонений.

Для выявления процесса морфологического перераспределения особый интерес представляет анализ образования парадигматических форм от основ двух последних типов.

При присоединении личных окончаний у основ первого типа и у приравненных к ним их конечный редуцированный гласный заменяется на гласный полной артикуляции. В южных диалектах последний часто несет ударение, особенно при отсутствии в основе долгого гласного, способного принимать ударение на себя.

Настоящее время индикатива от нар. *čaadegu* и *pangu*

1 л. ед. ч.	<i>čaadá-p</i>	<i>pán-na-p</i>
2 л. ед. ч.	<i>čadá-l</i>	<i>pán-na-l</i>
3 л. ед. ч.	<i>čade-d</i>	<i>pán-nê-d</i>
1 л. дв. ч.	<i>čada-i</i>	<i>pán-na-i</i>
2 л. дв. ч.	<i>čade-li</i>	<i>pán-na-li</i>
3 л. дв. ч.	<i>čade-di</i>	<i>pán-na-di</i>
1 л. мн. ч.	<i>čad-ut</i> (? < * <i>čade-βet</i>)	<i>pan-n-ut</i> (? < * <i>pan-na-βet</i>)
2 л. мн. ч.	<i>čade-let</i>	<i>pan-na-lt</i>
3 л. мн. ч.	<i>čádá-dat</i>	<i>pan-ná-dat</i>

(см., например, образцы парадигм по: Castrén 1854; Castrén, Lehtisalo 1960; Дульзон 1969; Кузнецова 1987 : 212—228; Гальцова 1993 : 143—150).

Одновременно у основ второго типа и у приравненных к ним отмечаются

три возможности образования лично-числовых форм, которые нередко объединяются в одной парадигме:

1. присоединение окончаний, начинающихся с согласного, к неизменной глагольной основе;
2. присоединение к неизменной основе окончаний с вокалической инициальной, идентичной конечному чередующемуся гласному основ первого типа (на стыке морфем отмечается эпентеза, стяжение $kku > k\beta$; о последнем иначе Морев 1975 : 126—134);
3. присоединение окончаний с вокалической инициальной (см. п. 2) к усеченной производящей основе:

настоящее время индикатива от нар. *čadaku*

1 л. ед. ч.	<i>čádaku-ap</i>
2 л. ед. ч.	<i>čádaku-al</i>
3 л. ед. ч.	<i>čádaku-d</i>
1 л. дв. ч.	<i>čadaku-ai</i>
2 л. дв. ч.	<i>čadaku-li</i>
3 л. дв. ч.	<i>čadaku-di</i>
1 л. мн. ч.	<i>čadak-ut</i> (? < * <i>čadak(u)-βjt</i>)
2 л. мн. ч.	<i>čádaku-lt</i>
3 л. мн. ч.	<i>čádaku-adat</i>

настоящее время индикатива от кет. *tjaadēku*

1 л. ед. ч.	<i>tjaadēku-au</i>
2 л. ед. ч.	<i>tjaadēku-al</i>
3 л. ед. ч.	<i>tjaadēku-t</i>
1 л. дв. ч.	<i>tjaadēku-ai</i>
2 л. дв. ч.	<i>tjaadāku-áli ~ tjaadaku-li</i>
3 л. дв. ч.	<i>tjaadāku-adi ~ tjaadaku-di</i>
1 л. мн. ч.	<i>tjaadaku-ót</i> (? < * <i>tjaadaku-aβjt</i>)
2 л. мн. ч.	<i>tjaadaku-alt</i>
3 л. мн. ч.	<i>tjaadaku-atta</i>

настоящее время индикатива от кет. *ček̄irikkū*

1 л. ед. ч.	<i>ček̄irikk-aβ ~ ček̄irikkβ-aβ</i>
2 л. ед. ч.	<i>ček̄irikk-al ~ ček̄irikkβ-al</i>
3 л. ед. ч.	<i>ček̄irikkū-t</i>
1 л. дв. ч.	<i>ček̄irikk-o</i> [? < * <i>ček̄irikk-aβi</i>)
2 л. дв. ч.	<i>ček̄irikk-alī ~ ček̄irikkβ-alī</i>
3 л. дв. ч.	<i>ček̄irikk-adī ~ ček̄irikkβ-adī</i>
1 л. мн. ч.	<i>ček̄irikk-ot</i> (? < * <i>ček̄irikk-abjt</i>)
2 л. мн. ч.	<i>ček̄irikk-aljt</i>
3 л. мн. ч.	<i>ček̄irikkū-attī ~ ček̄irikkβ-attī</i> и т.п.

Возможность образования лично-числовых форм от неодносложных основ на чередующийся гласный по типу 2, 3 указывает на процесс морфологического переразложения, а сохранение образования лично-числовых форм по типу 1 свидетельствует о его незавершенности.

Морфологическое переразложение такого рода описано в пермской группе уральских языков: общеп. **tune-ma* > коми *tun-ɣma* 'ушел'; общеп. **kare-ti* > удм. *kar-eti* 'по городу' и т.п. Здесь оно связывается с отпадением конечных гласных именных и глагольных основ. При этом либо предполагается обусловленность утраты финальных гласных процессом переразложения,

либо наоборот, утверждается, что именно отпадение гласных в конце слова вызвало указанный процесс (Лыткин 1970 : 263; Кельмаков 1990 : 111). Отпадение ауслатных гласных глагольных основ как завершающий этап процесса редукции отмечается и в селькупском языке, но не во всех его диалектах (прежде всего нар., тым.), морфологическое же переразложение описанного типа фиксируется во всех. Это дает основание полагать, что не падение редуцированных вызвало в языке перемещение морфемного шва, а, очевидно, редукция в ином плане. Редуцированный (безударный) гласный представляет ауслат основы в подавляющем большинстве глагольных словоформ, лишь часть форм настоящего времени индикатива имеет в исходе основы гласный полной артикуляции. При таком соотношении в глагольной парадигме, когда словоформы с основами на редуцированный занимают в ней фактически абсолютное большинство позиций, связь между двумя основами, на редуцированный и на нередуцированный гласный, оказывается прерванной. В результате последний начинает восприниматься уже не как элемент основы, а как составная часть окончания. Так объясняются три возможности образования лично-числовых форм от основ на гласный, не подверженный альтернации: посредством окончаний, начинающихся с согласного, и посредством флексий с вокалической инициальной при сохранении конечного гласного основы или же при его утрате. Утрата основой конечного неальтернирующего гласного (усечение — см. п. 3) при присоединении окончаний с вокалическим элементом, очевидно, способствует замене нечередующегося гласного основы (ее суффикса, грамматического показателя) на гласный, подчиняющийся общему правилу альтернации, т.е. на редуцированный (ср. узальность-итеративность: таз. $-(k)k\dot{i}$ - ~ тым., нар., кет., об. $-(k)ku$ - / $-(k)k\dot{i}$ -; кондиционалис: таз. $-(m)m\ddot{a}$ - ~ кет. $-(m)m(\dot{i})$ -; оптатив: таз. $-l\ddot{a}$ - ... ~ тым., нар., об. $-le$... / $-l(\dot{i})$ - ... и т.д.). Таким образом, редукция конечного гласного селькупских глагольных основ, обуславливая процесс морфологического переразложения, и сама как бы поддерживается в глагольных основах этим процессом.

Замена конечного нечередующегося гласного основы (ее суффикса, показателя) на чередующийся, редуцированный, по-видимому, может вести в дальнейшем к унификации образования лично-числовых форм селькупской глагольной парадигмы. Однако на синхронном срезе три возможности построения определенных парадигматических рядов дают обилие формальных вариантов, дублетов, и не вполне ясно, каким из них отдается предпочтение при включении в парадигму.

Редукция ауслата вызывает и «встречное движение», частично нейтрализуя действие процесса морфологического переразложения, в ходе которого формируется не-нулевое окончание 3 л. ед. ч. субъектного спряжения. В кетском и обском диалектах *a* в безударной позиции может редуцироваться до $\dot{i}(\epsilon)$ и вновь совпасть с конечным редуцированным гласным основы, т.е. наблюдается возвращение к нулевому, отрицательному маркеру словоформ: $am\text{-}da^{\circ}$, $a^{\circ}mda \sim (>) a^{\circ}m\dot{d}\dot{i}$ 'он сидит' ($a^{\circ}m\dot{d}\dot{i}\text{-}gu$ 'сидеть'). Процесс не имеет места в (тымско-)нарымском ареале, где оппозицией форм типа $amda$: $am\dot{d}\dot{i}$ поддерживается содержательное противопоставление настоящего абсолютного претериту в рамках индикатива (Гальцова, Кузнецова 1993 : 288—289).

На фоне отхода от передачи значения 3 л. ед. ч. субъектного спряжения посредством соотношенности глагольной формы с личным местоимением или существительным и завершения перехода к выражению данного значения суффиксально в системе зависимой предикации селькупского

языка наблюдаются следы синтагматического (морфолого-синтаксического) явления, которое по аналогии с явлением системной избыточности может быть названо системной недостаточностью. Системная недостаточность, как и системная избыточность, проявляется в связи с развитием языковой системы, выступая как морфологическая неоднозначность словоформы, не устраняемая в синтаксисе. Явление морфолого-синтаксической неоднозначности словоформы может быть противопоставлено омонимии и синкретизму, представляющим собой случаи собственно морфологической неоднозначности, которая снимается в структуре предложения.

Морфолого-синтаксическая неоднозначность словоформы наблюдается, например, в конструкциях условия / временной соотнесенности (футуральный временной план), где совмещаются сферы употребления наклонения — опатива (^(*)-*lä-*) и инфинитивной глагольной формы — простого деепричастия (^(*)-*lä-*), показатели которых демонстрируют полное синхронное сходство по диалектам языка и, очевидно, связаны общностью происхождения. Так, кроме селькупского, *l*-овые показатели в глагольной парадигме из самодийских языков имеет камасинский. В нем, как и в селькупском, представлены *l*-овые инфинитивные формы (герундий, (? партицип)) (Hajdú 1961 : 128; N.-Sebestyén 1964 : 278—279; Künnap 1978 : 140—141), а также выделяются футурально-презентные формы на *l* (Künnap 1978 : 218; возможно, футуральные и презентные формы — Серебренников 1964 : 89; Künnap 1978 : 140). Последние, по данным М. А. Кастрена, были способны выступать и в функции опативных (Künnap 1978 : 92—93). Признание формирования камасинского *l*-ового временного (/модального) показателя на базе камасинского суффикса герундия (Joki 1944 : 166; N.-Sebestyén 1964 : 278—279; Künnap 1978 : 218; иначе Györke 1935 : 35—39; Lehtisalo 1936 : 175—177) допускает возможность идентичного хода развития в селькупском языке.

Морфолого-синтаксическая неоднозначность словоформы на (^(*)-*lä* (3 л. ед. ч. опатива / простое деепричастие) возникает тогда, когда субъект действия при *l*-овой форме имеет нулевой маркер и сама *l*-овая форма маркируется нулем: отрицательная маркировка субъекта характерна не только для финитного сказуемого, ее допускают и деепричастия в качестве зависимого предиката разносубъектных полипредикативных конструкций, а зависимая предикативная единица с нулевым показателем лица и числа может представлять собой и финитную глагольную форму, в данном случае — 3 л. ед. ч. субъектного спряжения опатива, и инфинитивную — в данном случае, простое деепричастие: нар. *era* (*ķup, tab*) *tö-le kadelešpeķ* '(если) старик (человек, он) придет (опатив), скажи' (= 'старик (человек, он) придя (простое деепричастие), скажи'). Следовательно, системная недостаточность создается

а) вариативностью в оформлении субъекта при простом деепричастии в качестве зависимой предикативной единицы разносубъектных полипредикативных конструкций, которая допускает наряду с генитивным *-n* и номинативный *-ø*. Подобная вариативность в оформлении субъекта характерна в селькупском языке для всех деепричастных форм: простого деепричастия на (^(*)-*lä*), деепричастия предшествования на (^(*)-*lä* + (^(*)-*pülä*), а также сравнительно редкого целевого деепричастия / (>) супина на (^(*)-*jä*). При этом нулевому, номинативному оформлению субъекта в разносубъектных полипредикативных конструкциях на основе деепричастий отдается явное предпочтение;

б) отсутствием морфологического показателя в 3 л. ед. ч. субъектного спряже-

ния (-ø), т.е. за счет двух отрицательных морфологических маркеров. Соответственно системная недостаточность преодолевается по мере развития не-нулевого окончания 3 л. ед. ч. по завершении формирования полной морфологической парадигмы лица (числа) глагола.

Системная недостаточность (соответственно морфолого-синтаксическая неоднозначность словоформы) проявляется и как возможность двойной интерпретации части полипредикативных конструкций в плане их структурного типа. В частности, с учетом регулярных явлений селькупского синтаксиса (формирование условно-временных конструкций на базе инфинитных отглагольных образований) такие полипредикативные конструкции могут расцениваться в плане структуры как синтетические, т.е. с инфинитной формой в качестве зависимой предикативной единицы. На фоне же регулярных явлений глагольной морфологии (использование императива, оптатива, (кондиционалиса) в зависимой части условно-временных синтаксических структур) рассмотренные конструкции могут быть отнесены к аналитическим, т.е. с зависимым сказуемым в форме финитного глагола. Но неоднозначность словоформы и предложения как будто никак не влияют на коммуникативный эффект последнего. Конструкции, для которых возможна двойная интерпретация их структурного типа, отмечаются на фоне таких, структурный тип которых получает однозначную трактовку. Полипредикативные конструкции с субъектом зависимой части в 3 л. ед. ч. и не-нулевым окончанием *l*-овой формы однозначно оцениваются как аналитические (зависимая предикативная единица — оптатив: нар. *tab tö-l-a kadeleşpeķ* '(если) он придет (оптатив), скажи'), а с субъектом в форме генитива — как синтетические (зависимая предикативная единица — простое деепричастие: нар. *tabj-n* (ген.) *kad-le tab ķbedižida* '(если) ему рассказать, он рассердится' (букв. 'его (ген.) рассказав (простое деепричастие), он рассердится').

Поскольку разносубъектные полипредикативные конструкции на основе простого деепричастия в селькупском языке сравнительно редки (Мартынова 1993 : 96), а оптатив используется для передачи условия в будущем достаточно регулярно, то очевидно, что морфолого-синтаксическая неоднозначность зависимого предиката, связывая инфинитное и финитное сказуемые, демонстрирует возможность преобразования первого во второе при отсутствии смыслового разрыва между ними. Так в синхронном состоянии селькупского языка, фиксирующем морфолого-синтаксическую неоднозначность словоформы и возможность двойной интерпретации ряда полипредикативных конструкций, синхрония не отделяется от диахронии.

Абсолютное большинство окончаний селькупских финитных форм (исключение — 1 л. дв. ч.) членятся на показатели лица и показатели числа (см. таблицу). Маркером ед. ч. выступает нуль, дв. ч. — *-i*, *-i*, мн. ч. — *-t(i)*; их источниками — соответствующие самодийские аффиксы (Künnap 1971 : 23, 54). Окончания 3 л. дв. ч. субъектного спряжения *-ķi* (*-gi*) или *-ķ* (*-g*) идентичны числовым показателям номинатива абсолютного склонения существительных, для которых предполагаются южносамодийские праформы *(*)-ka/j*, *(*)-ka*, *(*)-ka/n* (Кюннап 1974). Окончания 1 л. дв. ч. *-i*, *-i*, как и *-o*, *-u*, признаются для селькупского восходящими к *(*)-(a)βi < *-(a)βi-j* (Dulson 1972 : 139, 141; Максимова 1984 : 110). Эти морфологически нечленимые окончания, возникшие в ходе фонетического развития, одновременно передают и лицо, и число субъекта действия. Данный факт может рассматриваться как первый шаг в направлении перехода от параллельной морфологиче-

ской реализации персональности и количественности в сфере глагола к построению их единой парадигмы. Не исключено, что *-at* 3 л. мн. ч. также возникло в результате фонетических преобразований: (?) 3 л. мн. ч. (объектное спряжение) *-at* = 3 л. ед. ч. (объектное спряжение) *-at* + показатель числа *-t(i)*. Однако определенная зависимость в использовании этого окончания от типа спряжения допускает и иное морфемное членение: (?) 3 л. мн. ч. (субъектное спряжение) = 3 л. ед. ч. (субъектное спряжение) *-a* + показатель числа *-t(V)* (см. также Максимова 1983 : 106).

В селькупском, как и в других языках мира, категории лица и числа глагола выполняют наряду с дейктической функцией соотнесения участников обозначаемой ситуации с участниками речевого акта и структурную функцию согласования (координации) сказуемого и подлежащего (см., например, Бондарко 1991 : 7). В двусоставном селькупском предложении субъект и предикат согласуются в лице и числе. Согласование в лице является регулярным. При согласовании в числе возможны два варианта: грамматическое и семантическое согласование. В первом случае показатели числа сказуемого отражают грамматическое число подлежащего. Этот тип согласования можно считать для селькупского языка ведущим (ОчСЯ 370). Грамматическое согласование в числе наблюдается

а) в двусоставных предложениях, подлежащее которых выражено местоимением или существительным конкретной (предметной, агентивной) семантики: нар. *nelguštjar* (дв. ч.) *matk̄in bargar* (дв. ч.) 'женщины две в доме живут'; *tabit* (мн. ч.) *ȳbadit* (мн. ч.) *nagur čel'* 'они пировали три дня' и т.п. (Максимова 1983 : 106—112; 1984 : 103—108);

б) если в группе подлежащего есть количественное числительное < 2, а подлежащее и сказуемое используются в форме ед. ч.: об. *tebna^on tetta it* (ед. ч.) *jes* (ед. ч.) 'у нее было четыре сына'; *tet nunmat* (ед. ч.) *jes* (ед. ч.) 'четыре церкви было'; *tol'ko so^obla yum* (ед. ч.) *tü^otda* (ед. ч.) 'пришло только пять человек' и т.п. (Кузьмина, Кюннап 1986 : 161). В сочетании с числительным 2 существительные могут иметь форму как ед. ч., так и дв. ч. Но и в этом случае предикат обязательно повторяет грамматическое число существительного, восходящего в группу субъекта, выступая в форме либо ед. ч., либо дв. ч. соответственно: об. *seǰeǰ uduu* (ед. ч.) *k'üzitda* (ед. ч.) 'две руки мои болят'; *šidj aragač* (дв. ч.) *mad'oddj k̄bannari* (дв. ч.) 'два старика в тайгу пошли' и т.п. Если субъект двусоставного предложения представлен числительным 'два' без существительного (= субстантивная форма с показателем количественности), то в оформлении предиката возможны два варианта: нар. *šidek̄* (дв. ч.) *k̄bedimbač* (дв. ч.) 'двое (букв. двое-два) ругаются'; об. *seǰeǰjač* (дв. ч.) *pikḡil̄in* (ед. ч.) 'двое (букв. двое-два) упали'.

При семантическом согласовании показатели числа сказуемого отражают действительное, семантическое, а не грамматическое число подлежащего:

а) когда в предложении с двумя однородными подлежащими в ед. ч. сказуемое имеет форму дв. ч.: тым. *el'd'iga* (ед. ч.) *ära* (ед. ч.) *kundä bargsar* (дв. ч.) 'старуха, старик долго жили'; нар. *nadek̄* (ед. ч.) *i tebelgūi k̄ibače* (ед. ч.) *šernač* (дв. ч.) *mat* 'девочка и мальчик вошли в дом' и т.п.

Своеобразное семантическое согласование в предложениях с однородными подлежащими, обозначающими определенную совокупность лиц (родственники, супруги и т.п. типа газ. *ilympa* (ед. ч.) *äsyty* (ед. ч.) *ämyty* (ед. ч.) 'жили (букв. жил) отец-его, мать-его' (ОчСЯ 372)), в южных диалектах встречаются редко: тым. *kor̄uä* (ед. ч.) *aġ kor̄ȳin ijatä* (ед. ч.) *mad'ondä k̄b̄inna* (ед.

ч.) 'медведица и медвежонок в тайгу ушли'; нар. *mat taṁ ederjēt čelimbak aḡam* (ед. ч.) *ambam* (ед. ч.) *eṅa* (ед. ч.) 'я в этой деревне родилась, у меня отец-мой, мать-моя была' и т.п.

б) если хотя бы одно из двух подлежащих выступает в форме дв. ч. или мн. ч., а сказуемое получает форму мн. ч.: вас. *nelgum* (ед. ч.) *i šadā tebelcapḡa* (дв. ч.) *maḡonda ḡβenbadjēt* (мн. ч.) 'эта женщина и двое мужчин в тайгу пошли'; нар. *na nalcuštjak* (дв. ч.) *i ḡjbanarla* (мн. ч.) *larjmbadjēt* (мн. ч.) *lo abjilde* 'эти женщины двое и дети боятся, (что) черт (их) съест' и т.п. При сочетании с тремя и более однородными подлежащими сказуемое также получает форму мн. ч.: об. *aḡjēt* (ед. ч.) *azjēt* (ед. ч.) *net* (ед. ч.) *βarkjumbadjēt* (мн. ч.) 'мать, отец, дочь живут' и т.п.

г) когда подлежащее с определением, обозначающим совокупность, множественность лиц или предметов, стоит в ед. ч. (Прокофьев 1935 : 94; ОчСЯ 167; Беккер 1981 : 79), а сказуемое — во мн. ч.: тым. *koček tott^o* (ед. ч.) *čapsazadat* (мн. ч.); кет. *ko't'eṅ tutto^o* (ед. ч.) *tapsuzadat* (мн. ч.) 'много карасей жарилось на чапсе'; ср. об. *somb'l'a ḡum* (ед. ч.) *tūadat* (мн. ч.) 'пять человек пришло' и т.п.

Заслуживает рассмотрения согласование в числе сказуемых с подлежащими, представленными собирательными существительными. Последние могут указывать как на единичный предмет, так и на собирательное множество из соответствующих предметов. В селькупском языке это существительные со значением предметов природы, а также групповых или парных частей тела человека или животных типа 'дерево, деревья', 'лист, листья', 'прут, прутья', 'зверь, звери', 'зуб, зубы', 'волос, волосы', 'перо, перья' и т.п. (Кузьмина, Киселева 1975 : 201—205; Максимова 1986 : 97). Значение единичности или собирательности выясняется у таких существительных из контекста: вас. *ḡβel ta_o pot φαk čaḡa* 'рыба в этом году хорошо идет'; *mat tap^o cel βarga ḡβelip ḡβassak* 'я сегодня большую рыбину поймал'. Но существительные данной группы могут получать маркеры числа, если имеется в виду раздельное множество, состоящее из единичных однородных или не полностью однородных предметов: вас. *čobyrt* (мн. ч.) *čariḡ kambjrnadjēt* (мн. ч.) 'ягоды в котле плавают' (Максимова 1986 : 97).

В предложениях типа приведенного примера обычно имеет место грамматическое (=семантическое) согласование подлежащего и сказуемого в числе, однако встречаются случаи, когда с существительным собирательной семантики, получившим показатели количественности, т.е. передающим раздельную множественность (совокупность), сочетается сказуемое в ед. ч., иначе говоря, сказуемое согласуется с подлежащим только в лице, а число предиката «выводится» из числа субъекта по смыслу: кет. *teban sajlāt* (мн. ч.) *k'isuj* (ед. ч.) *βargā katamənnā* 'у него глаза-его болят (букв. болит) от яркого света'; *pučon sajlāt* (мн. ч.) *assj ḡonžjrnjēt* (ед. ч.) 'бобра глаза-его не видят (букв. не видит)'; нар. *ma-gjla* (мн. ч.) *ežimba* (ед. ч.) *karland* 'прутья превратились (букв. превратился) в морды (ловушки)'; ен. *pot poaryinā čoapjla* (мн. ч.) *oalžanda* (ед. ч.) 'с дерева (дерева сверху) упали (букв. упал) листья' и т.п.

Таким образом на фоне параллельной морфологической реализации глагольных категорий лица и числа между ними имеются некоторые различия по обязательности / необязательности выражения в предикативной словоформе. Если показатели лица относятся в селькупском языке к обязательным маркерам сказуемого во всех типах предикативных синтагм (глагольная словоформа; (количественное определение) существительное, или местоимение + глагольная словоформа), то категория числа субъекта действия проявляет се-

бя в синтагматике по-иному. Например, в тех синтагмах, где подлежащее имеет при себе количественное определение, или в тех, где сказуемое содержит в своей структуре словообразующие суффиксы мультисубъектности (таз. *pü ałc-älympy-sa* 'камни нападали (букв. камень напал-многий)' (ОчСЯ 167)), предикат может использоваться в форме ед. ч., которая обычно соответствует форме ед. ч. субъекта. Подобное функционирование маркеров количественности в глагольных, а также именных словоформах указывает на то, что морфологическая категория числа для глагола, как и для имени, не является в селькупском языке облигаторной. Любая количественная характеристика субъекта действия в сфере глагола и количественная характеристика имени (субъекта, объекта) могут быть переданы словосочетанием (аналитически, на уровне синтаксиса). Глагольная множественность (мультисубъектность) и именная множественность (мультисубъектность, мультиобъектность) могут, кроме того, задаваться и лексически, посредством особого вида деривации в сфере глагольных основ.

С необязательностью морфологической категории числа для селькупского глагола может быть связана и финальная позиция соответствующего показателя в структуре глагольной словоформы. Необязательность морфологического выражения числа для глагола, по-видимому, служит благоприятным фоном для замены дв. ч. сказуемого в тех примерах, где по общему правилу должно быть дв. ч., на мн. ч., т.е. для вытеснения первого вторым: об. *azit* (ед. ч.) *ařit* (ед. ч.) *ķβilč'e tömbadit* (мн. ч.) 'отец-его, мать-его с рыбалки пришли'; тым. *era* (ед. ч.) *el'diga* (ед. ч.) *ķβingat* (мн. ч.) *neden* 'старик и старуха едут к девушке' и т.п.

Использование числовых маркеров у собирательных существительных-подлежащих, сочетающихся со сказуемым без показателей числа, наряду с ведущей ролью грамматического согласования в числе между подлежащим и сказуемым свидетельствует о том, что числу субъекта-существительного обычно отводится в передаче количественных отношений в предикативной синтагме (предложении) ведущая роль. Число сказуемого, отражая число подлежащего, может не только дублировать последнее морфологически, но и «выводиться» из него по смыслу при отсутствии у предиката соответствующего оформления.

Категория лица в исследуемом языке свойственна всем глаголам, кроме безличных, выражающих действие или состояние, которые происходят как бы сами по себе, без участия действующего лица. Безличные глаголы обозначают чаще всего явления природы или действия каких-либо стихийных сил. Они имеют форму, образованную от глаголов с основой на гласный присоединением в настоящем и будущем времени показателя *-ŋ* (в футуре он следует за маркером времени), который материально совпадает с одним из окончаний 3 л. ед. ч. субъектного спряжения. В прошедшем времени безличные глаголы оканчиваются на *-s*: кет. *serro ŋ*, *serro's*, *serro'nžij* 'идет дождь, шел дождь, будет идти дождь' и т.п. Основы безличных глаголов на согласный в настоящем времени получают *-ni*, в прошедшем *-si*, в будущем *-ŋ*, которому предшествует маркер времени: кет. *tomni*, *topsi*. *tomžij* 'идет дождь, шел дождь, будет идти дождь' и т.п. Безличное значение, как уже упоминалось выше, могут иметь и некоторые личные глаголы, передающие статическое состояние субъекта: кет. *ķajmn assj ünduj*, ~ *ündus*, ~ *ündunžij* 'ничего не слышно, ничего не было слышно, ничего не будет слышно'; *ķajmn assj aduj*, ~ *adus*, ~ *adunžij* 'ничего не видно, ничего не было видно, ничего не будет видно' и т.п.

Все личные (лично-числовые) формы южноселькупского глагола обычно используются в своем парадигматическом значении. Исключение составляют формы 3 л. мн. ч., которые могут передавать и неопределенно-личное (безличное) значение в предложениях соответствующей семантики, когда основное внимание обращается на действие, на процесс, а не на субъект действия (ОчСЯ 359) : кет. *niŋ kula pal'duatti* — *niŋ pal'duatti* 'здесь люди ходят — здесь ходят'.

Сокращения

Диалекты селькупского языка: **вас.** — васюганский, **ен.** — енисейский, **кет.** — кетский, **нар.** — нарымский, **об.** — обский, **таз.** — тазовский, **тым.** — тымский; **общеп.** — общепермский.

ОФУЯ I — Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития языков), Москва 1974; **ОчСЯ** — А. И. Кузнецова, Е. А. Хелимский, Е. В. Грушкина, Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект, ч. I, Москва 1980.

ЛИТЕРАТУРА

- Аксаков К. С. 1875, Полное собрание сочинений, т. III, ч. I. — Сочинения филологические, Москва.
- Баранникова Л. И. 1973, Введение в языкознание, Саратов.
- Беккер Э. Г. 1981, Выражение числовых отношений в диалектах селькупского языка. — Языки и топонимия, Томск, 72—82.
- Бенвенист Э. 1974, Общая лингвистика, Москва.
- Бондарко А. В. 1991, Персональность. Семантика лица. — Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость, С.-Петербург, 5—40.
- Буслаев Ф. И. 1858, Опыт исторической грамматики русского языка. ч. 1—2, Москва.
- Варковицкая Л. А. 1947, Глагольное словообразование в селькупском языке (по материалам баишенского говора). Канд. дисс., Москва (рукопись).
- Володин А. П. 1991, Персональность в языках разных типов. Персональность в агглютинативных языках Евразии (на материале финно-угорских, самодийских, тюркских, тунгусо-маньчжурских, палеоазиатских, некоторых кавказских языков). — Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость, С.-Петербург, 87—108.
- Гальцова Н. П. 1993, Морфологические средства выражения темпоральных отношений в селькупском языке (на материале тымского диалекта). Канд. дисс., Томск (рукопись).
- Гальцова Н. П., Кузнецова Н. Г. 1993, Категория времени в южноселькупских диалектах. — LU XXIX, 284—302.
- Дульзон А. П. 1969, Опыт исторической интерпретации селькупских глагольных форм. — СФУ V, 203—211.
- Жукова Н. С. 1983, Продуктивные и непродуктивные звенья в глагольной парадигме современного немецкого языка. Автореферат канд. дисс., Москва.
- Кельмаков В. К. 1990, Взаимодействие факторов различных уровней в истории пермских языков. — СIFU 7, 105—124.
- Кузнецова Н. Г. 1987, Глагольная подсистема кетского диалекта селькупского языка. Канд. дисс., Томск (рукопись).
- 1993, Конверсия в селькупском языке. — LU XXIX, 203—214.
- Кузьмина А. И., Киселева Э. Г. 1975, Категория множественности и ее отражение в числе селькупского существительного. — СФУ XI, 201—205.
- Кузьмина А. И., Кюннап А. 1986, Числительные в новосондорском говоре селькупского языка. — FU 13, 159—165.
- Кюннап А. 1974, Склонение и спряжение в самодийских языках (сравнительно-исторический анализ первичных словоизменительных суффиксов). Автореферат докт. дисс., Тарту.
- Лыткин В. И. 1970, Проблема лексического ударения в финно-угорских языках. — ALHung. V, 259—261.

- Максимова Н. П. 1983, Морфологический способ выражения множественности в южных диалектах селькупского языка. — Вопросы енисейского и самодийского языкознания, Томск, 103—111.
- 1984, Морфологический способ выражения двойственности в селькупском языке. — Структура палеоазиатских и самодийских языков, Томск, 106—114.
- 1986, Категория числа в селькупском языке. — Языки народов Севера Сибири (сборник научных трудов), Новосибирск, 93—101.
- Мартынова Е. И. 1993, Состав и синтаксические функции инфинитивных форм селькупского глагола. Канд. дисс., Новосибирск (рукопись).
- Морев Ю. А. 1975, К вопросу о развитии лабиализованных согласных в селькупском языке. — СФУ XI, 126—134.
- Падучева Е. В. 1985, Высказывание и его соотносительность с действительностью, Москва.
- Проккофьев Г. Н. 1935, Селькупский (остяко-самоедский) язык. Селькупская грамматика, ч. I., Ленинград.
- 1937, К вопросу о переходном залоге в самоедских языках. — Сборник памяти В. Г. Богороза (1865—1936), Москва — Ленинград, 309—322.
- Проккофьева Е. Д. 1966, Селькупский язык. — Языки народов СССР. Финно-угорские и самодийские языки, т. 3, Москва, 392—415.
- Серебрянников Б. А. 1964, Основные линии развития падежной и глагольной системы в уральских языках, Москва.
- Сорокина И. П. 1976, Морфология энецкого глагола. Канд. дисс., Ленинград (рукопись).
- Терещенко Н. М. 1966а, Ненецкий язык. — Языки народов СССР. Финно-угорские и самодийские языки, т. 3, Москва, 376—395.
- 1966б, Нганасанский язык, — Языки народов СССР. Финно-угорские и самодийские языки, т. 3, Москва, 416—437.
- 1966в, Энецкий язык. — Языки народов СССР. Финно-угорские и самодийские языки, т. 3., Москва, 438—457.
- 1972, Главные члены предложения в самодийских языках. — Члены предложения в языках различных типов, Ленинград, 109—124.
- 1973, Синтаксис самодийских языков. Простое предложение, Ленинград.
- 1976, Грамматические категории глагола в самодийских языках. — Типология грамматических категорий. Мещаниновские чтения, Москва, 140—155.
- 1979, Нганасанский язык, Ленинград.
- Хелимский Е. А. 1982, Древнейшие венгерско-самодийские языковые параллели. Лингвистическая и этногенетическая интерпретация, Москва.
- Хонти Л. 1984, К происхождению объектного спряжения в угорских языках. — NyK. Tractationes Participantium Hungarum Sectionum Linguisticarum Congressus VI Internationalis Fenno-Ugristarum, Budapest, 314—346.
- Черемисина М. И. 1986, О системе спряжения хантыйского глагола. — Языки народов Севера Сибири (сборник научных трудов), Новосибирск, 3—19.
- Шелякин М. А. 1986, Русское местоимение (значение, грамматические формы, употребление). Материалы по спецкурсу «Функциональная грамматика русского языка», Тарту.
- Castrén, M. A. 1854, Grammatik der samojedischen Sprachen, St.-Petersburg.
- Castrén, M. A., Lehtisalo, T. 1960, Samojedische Sprachmaterialien, Helsinki (MSFOu CXXII).
- Collinder, B. 1969, Survey of the Uralic Languages, Stockholm.
- Dulson, A. 1972, Über die ursamojedischen Suffixe zur Bezeichnung der verbalen Person. — СФУ VIII, 139—144.
- Györke, J. 1935, Die Wortbildungslehre des Uralischen (primäre Bildungssuffixe), Tartu.
- Hajdú, P. 1961, Lativus és infinitivus kapcsolata a szamojédban. — In memoriam G. Mézöly. NNy, Fasciculus extraordinarius, Szeged, 119—131.
- 1963, Samoyed Peoples and Languages, Bloomington — the Hague (UAS 14).
- 1966, Bevezetés az uráli nyelvtudományba, Budapest.
- Joki, A. 1944, Einleitung, Hauptzüge der Grammatik. — Kai Donners kamassische Wörterbuch nebst Sprachproben und Hauptzügen der Grammatik, Helsinki, XII—LI, 119—190.
- Künnap, A. 1971, System und Ursprung der kamassischen Flexionssuffixe I. Numeruszeichen und Nominalflexion, Helsinki (MSFOu 147).

- K ü n n a p, A. 1971, 1978, System und Ursprung der kamassischen Flexionssuffixe II. Verbalflexion und Verbalnomina, Helsinki (MSFOu 164).
- L e h t i s a l o, T. 1936, Über die primären uralischen Ableitungssuffixe, Helsinki (MSFOu LXXII).
- R é d e i, K. 1966, Entstehung der objektiven Konjugation im Ungarischen. — ALHung. XVI, 111—133.
- R i s t i n e n, E. K. 1973a, Some Remarks on the Function of the Subjective and Objective Conjugations in the Samoyedic Languages. — JSFOu LXXII, 337—347.
- 1973b, Observations on the Function of the Conjugations in Samoyedic. — Uralica of the Uralic Society of Japan I, Tokyo, 11—38.
- N. - S e b e s t y é n, I. 1964, Eine ungelöste ungarische Etymologie. — ALHung. XIV, 275—284.
- 1970, Zur juraksamojedischen Konjugation. — FUF XXXVIII, 137—225.
- W i c k m a n, B. 1970, Über die Verwendung der objektiven Konjugation. — Symposium über Syntax der uralischen Sprachen. 15.—18. Juli 1969 in Reinhausen bei Göttingen, Göttingen, 216—221.

N. G. KUZNECOVA (Tomsk)

DIE KATEGORIE DER PERSON UND DES NUMERUS IM SÜDSÖLKUPISCHEN VERB

Semantisch gesehen baut sich die Kategorie der Person im sölkupischen Verb auf Gegenüberstellungen der 1., 2. und 3. Person untereinander auf, wobei diese morphologisch unterstützt werden. Außer offensichtlichen Gegenüberstellungen wird zum Teil die Opposition der 1. Person, 2./3. Person morphologisiert. Im Gegensatz zu den anderen kann die 3. Person im Singular der subjektiven Konjugation ohne ein morphologisches Zeichen sein. Im Dual und Plural hat die 3. Person unterschiedlich zu den übrigen Mikroparadigmen die restlichen morphologischen Gegenüberstellungen nach dem Konjugationstyp (subjektiv, objektiv).

Die absolute Mehrheit der Personalformen drücken selbständig die eindeutige Information über Person (Numerus) des Subjekts der Handlung aus. Nur in solchen Verbalstämmen, die mit den nominalen Stämmen in Konversionsbeziehungen stehen, stimmt die 3. Person im Singular der subjektiven Konjugation mit dem Nominativ Singular der absoluten Deklination der Substantive überein (objektive Konjugation — dementsprechend mit Nominativ der possessiven Deklination; dies jedoch sehr selten, semantische Derivate von den Nominalstämmen sind meist intransitiv). Die kategoriale Bedeutung der 3. Person Singular kann in solchen verbalen Stämmen nur analytisch durch Verbindung mit dem Personalpronomen (Substantiv) im Nominativ ausgedrückt werden. Aber auch bei diesen Verben erfolgt der Übergang von syntaktischen Mitteln zur rein morphologischen Wiedergabe entsprechender grammatischer Bedeutung. Dieser Übergang ist dem Prozeß morphologischer Umverteilung zu verdanken, infolge dessen die Nullendung der 3. Person Singular der subjektiven Konjugation verschwindet und das Bestehen des morphologischen Paradigmas verbaler Person seinem Ende entgegen geht.

Semantisch gesehen basiert die Kategorie des Numerus im sölkupischen Verb auf Gegenüberstellungen von Singular, Dual und Plural, die auch morphologisch unterstützt werden. Die morphologische Kategorie der Person und des Numerus können in sölkupischen Verbalformen parallel zum Ausdruck kommen. Alle verbalen Flexionen können außer der 1. Person Dual in Personalendungen und Numeruszeichen zerlegt werden. Der Unterschied zwischen den beiden Kategorien besteht darin, daß Personalendungen für Verbalformen aller prädikativen Syntagmen notwendig sind, Numeruszeichen sind dagegen in Verbalformen mancher prädikativer Syntagmen nicht obligatorisch. Dies gilt vor allem für solche Syntagmen, wo das Subjekt (Substantiv im Singular, seltener im Dual oder Plural) ein entsprechendes quantitatives Attribut neben sich hat oder das verbale Prädikat Derivationsuffixe der Multisubjektivität in seiner Struktur aufweist.